

О ФАШИСТСКОЙ ИДЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО РЕЖИМА ДРЕВНЕЙ СПАРТЫ

Проф. С. Я. Лурье

I

В основе фашистской «философии» истории Греции лежит, по существу, следующая нехитрая аргументация.

Творцами нашей культуры были греки.

Но самой культурной расой нашего времени (ну, конечно же!) являются немцы.

Следовательно: греки пришли на Балканский полуостров из нынешней Германии—они «северяне».

Такой вывод содержит, однако, и с фашистской точки зрения серьезный дефект: Греция была страной демократии, страной ожесточенной классовой борьбы, здесь неоднократно и очень энергично проводился передел имущества богатых. Выходит, что все эти «еврейские штучки»¹ также пошли от древних немцев, то-бишь, германцев, «северян»!

Всегда стоявший далеко от конкретной науки о древности, а ныне ставший официальным фашистским философом античной истории—Эдгар Залин² в два счета расправился с этим затруднением: вся античная жизнь была, по его мнению («Plato», стр. 80, 224), «художественным целым». Всякие разговоры о классовой борьбе, о демократических и поравнительных идеях в древности—это глупость, мерзость («Unfug»)³. Пельман, Эдуард Мейер и Белох, позволив утверждать это, проявили себя не только невеждами, но и преступниками перед немецкой нацией: они, видите ли, свели на-нет «всю гигантскую работу немецких патриотов-историков XIX в., воспитавших в немецком народе любовь к... народно-самобытному... От духовной нищеты нынешней немецкой жизни есть только один путь к исцелению—без ложного стыда и колебаний в минуту опасности выжечь каленым железом язвы последнего поколения—стремление к демократическому поравнению»⁴.

Из крупных классических филологов Германии нашлось лишь несколь-

¹ H. M a n n—Der Untertane, стр. 86.

² E d g. S a l i n—Plato und die griech. Utopie, München, 1921; Der «Sozialismus» in Hellas, 1923; см. мою рецензию в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», III, 1927, стр. 499 сл.

³ «Plato», стр. 16, 267, 268, 273.

⁴ «Sozialismus», стр. 21—22.

ко таких, которые частью из трусости, частью из обывательского стремления жить в ладу с властью предержавшей не только пришли с поклоном в фашистский лагерь, но и отражают это в своих работах. Они продолжают писать статьи в старом академическом стиле и старыми историческими методами, но от времени до времени вспоминают об обязанностях перед новым господином и совершенно некстати, неумело и неуклюже, расшаркиваются перед фашизмом. Например, редактор такого солидного журнала, как «Hermes», А. Керте, говоря о софисте Антифонте¹, притягивает за волосы цитату из такой глубоко «научной» книги, как «Mein Kampf», Гитлера. Э. Корнеманн, редактор такого же почтенного журнала «Klio» в книге «Staaten, Völker, Männer» (Leipzig, 1935) не обошелся без того, чтобы в предисловии и заключении не вспомнить о «пробуждении» немецкой нации при фашизме.

Ф. Шахермейр (Fritz Schachermeyr) в статье «Pleistatos» (1937), помещенной в до сих пор бывшей наиболее авторитетной энциклопедии Паули-Виссова (стр. 160 сл.), совершенно некстати замечает, что Писистрат «по своей крови, несомненно в очень значительной мере имел северные показатели» (160: «blutmässig zweifellos in sehr beträchtlichem Masse nordisch bestimmt»); «его отношение к государству имело тоталитарное направление» и «он стремился к примирению интересов всех групп» («er [strebte] einen allgemeinen Interessenausgleich im Sinne einer total gerichteten Staatsgesinnung an», стр. 114).

Однако фашисты не довольствуются такими расшаркиваниями со стороны ученых. Им нужна фашистская «наука» об античности, где бы каждый пункт был «продуман» под фашистским углом зрения и в то же время был бы соблюден весь «научный антураж».

Здесь к их услугам оказалась теория близкого им по духу «историка» Берве, выступившего со своей «Griechische Geschichte» уже в 1931 г.

Мы уже видели, в чем состоит с фашистской точки зрения основная трудность вопроса: если греки—это только первая партия немецких «культуртрегеров», то откуда у них классовая борьба, демократия и стремление к поравнению, столь якобы чуждые немецкому духу?!

Берве предложил концепцию, чрезвычайно простую и удобовоспринимаемую для фашистского читателя. Вот ее основные положения: в конце III тысячелетия до н. э. «раннегреки» (сиречь, германские «культуртрегеры») приходят на Балканский полуостров. Но, вместо того, чтобы покорить или уничтожить местное население, они (о, ужас!) настолько сближаются с ним, что появилась угроза «дезэллинизации» греков. От этой «опасности» их спасает новое вторжение—«дорийское завоевание» XII—X вв., центром которого стала Спарта. С этого момента вся история Греции характеризуется борьбой двух начал: ионийского, представленного неполноценным населением, не сумевшим сохранить чистоту эллинского «духа», и дорийского, носителями которого были «истинные представители эллинства», сумевшие сохранить величие немецкого... то-бишь, «эллинского» духа. Только дорийцы (спартанцы) были поэтому истинно-свободными людьми, резко противопоставившими свободу рабству; только они-де подняли знамя панэллинизма и непримиримой борьбы с неполноценными варварами—персами, тогда как ионийцы, имевшие значительную примесь азиатской крови, уживались с персидским владычеством.

¹ «Spottol», XI, 1935, стр. 345, прим. 3.

Итак, «общие установки» найдены: настоящим прообразом нынешней фашистской Германии в древности была Спарта, основанная дорянами, ибо эти доряне пришли с «севера», имели в своей крови наибольшее количество «северных показателей» и их «отношение к государству имело тоталитарное направление»—идеи классовой борьбы и демократии были им совершенно чужды. Эта параллель между Спартой и Германией проводится и у Леншау в статье «Происхождение спартанского государства»¹, вышедшей в 1935 г. Так, говоря о перевороте, имевшем место в Спарте в середине VI в., он замечает: «Спарта стала непревзойденным образцом государства, которое заставляет всего человека, без остатка, служить ему и оставляет гражданину лишь ничтожно-малую возможность заниматься своим личным усовершенствованием, государства, подобного которому мировая история никогда больше не видела».

Чтобы приукрасить не имеющий прецедентов в истории культурного человечества звериный фашистский режим, фашистские писакы нагло фальсифицируют историю, превознося самое уродливое явление античности—спартанское полицейское государство.

II

Как ни забавна вся эта аргументация, постараемся выделить из нее отдельные утверждения и разобрать их одно за другим по строгим правилам научной критики. Этих утверждений четыре: 1) особенности спартанского уклада восходят к древнейшему времени—они занесены предками спартанцев «с севера», 2) спартанцы были руководителями национального объединения всех греков—носителями идеи панэллинизма и национальной войны с варварами-персами, 3) в Спарте не было классовой борьбы, а среди «полноценных» спартанцев не было никакой борьбы групп и партий, 4) Спарта—непревзойденный образец гармоничной, счастливой жизни сильных духом и телом, мужественных людей.

Спартанские учреждения действительно сохранили целый ряд первобытных черт (впрочем, вовсе не «арийских», а общих для всех народов Восточного Средиземноморья). Но историка интересуют не столько пережитки, сколько основной характер и общественное значение этих учреждений. До двадцатых годов нашего века действительно думали, что эти учреждения в том виде, в каком они нам известны для VI—V веков, отличаются большой древностью; но с начала нашего века археологические данные все яснее и яснее обнаруживали, что мы имеем дело с коренным переворотом, происшедшим, примерно, в середине VI в.; этот переворот занимает центральное место в работах последнего времени, посвященных истории Спарты².

В самом деле, каковы были характерные черты спартанского государственного устройства VI—V вв.? Некультурность; изоляция от остального мира; военная муштра с раннего детства; вмешательство государства

¹ Th. L e n s c h a u—Die Entstehung des spartanischen Staates, 30, 1935, стр. 269—270.

² U. W i l c k e n—Grjechische Geschichte, 1924, стр. 76; V. E h r e n b e r g—Neugründer des Staates, München, 1925; см. его же статью «Sparta», RE, III, A, 1928, стр. 1378 сл.; J. W e l l s—Studies in Herodotus. Oxford, 1923; L e n s c h a u, PhW (47), 1927, стр. 155 сл.; «Klio», XXX (1935), стр. 269 сл.; S. L u r i a, PhW 46 (1926), стр. 701; «Klio», XXI (1927), стр. 417 сл., см. также G. G l o t z—Histoire Grecque (I, 349—350) и W a d e - G e r y в САН (III, 1925, стр. 560).

во все стороны личной жизни и запрещение гражданам заниматься чем бы то ни было, кроме военного дела; потребительская уравнительность среди правящего класса; жестокое угнетение илотов.

Однако до середины VI в. этого уклада в Спарте не существовало. До этого времени Спарта имела таких замечательных поэтов, как Терпандр, Тиртей и Алкман; раскопки в Спарте обнаружили ряд художественных вещей, изготовленных от VIII до начала VI в. (ваз, рельефов, миниатюр, статуй, бронзовых украшений, камней, резьбы по золоту, бронзе и слоновой кости); в это же время здесь сооружались замечательные храмы, причем один из них (храм Афины Халькийкос) строил архитектор-спартаец Гитиад. В это время спартанцы играли ведущую роль на Олимпийских состязаниях: до 578 г. из 81 победителя на Олимпийских состязаниях 46 были спартанцы. Раскопки показали, что в эту эпоху Спарта была очень богата золотом. Наконец в VIII—VII вв. Спарта активно участвовала в колонизации.

С середины VI в. Спарта сразу меняет свой облик и превращается в государство казарменного типа: иностранцам запрещен въезд в Лаконию, а спартанцам—выезд из нее, так что ни о какой колонизации не может быть речи; литературой и искусством спартанцы больше не занимаются вовсе; ввоз золота и серебра в Спарту воспрещен, и спартанцы обходятся исключительно железной монетой; на Олимпийских состязаниях с 548 по 400 г. из 200 победителей только 12 спартанцев, а если не считать состязаний на колесницах (где от самого победителя физической силы и ловкости не требовалось), то только 2. Старинные, вымирающие учреждения видоизменяются так, что государство превращается в вооруженный лагерь, в «реакционное полицейское государство» (В и л ь к е н), и каждый спартаец уже с 7 лет отбирается у семьи и полностью принадлежит государству.

Этим внутренним преобразованиям соответствовало и изменение внешней политики: до середины VI в. Спарта непрерывно расширяла свою территорию, завоевывая смежные области; с этого времени завоевания сразу прекращаются, и Спарта становится на путь договоров и союза с государствами Пелопоннеса².

В чем причина этого радикального и внезапного преобразования и перемены внешней политики? Основной причиной был страх перед восстанием массы производителей—илотов. Уже Вилькен (ук. соч., 77) обратил внимание на «страх спартанцев перед новыми волнениями среди их лаконских и мессенских илотов. Этот постоянный страх был справедливым наказанием за те противоестественные порядки, когда государство, состоящее из каких-нибудь 2 000 покорителей, базируется на зверском порабощении и эксплуатации населения, превосходившего их численно во много раз. Таким-то образом через дальнейшую спартанскую историю, точно постоянно угрожающий призрак, проходит проблема илотов—как раз как ирландский вопрос через всю историю Англии... Спарта все более пресекала сношения с заграницей из страха, что оттуда, где в те времена гражданская война и восстания были обыкновенным явлением, может донестись рево-

¹ См. T o d d and W a s e—A catalogue of the Sparta Museum, 1906. L a n g l o t z—Frühgriechische Bildhauerschulen, 86; L i p p o l d—Sparta als Kunststadt, RE, III A, 1928, ст. 1528; W a d e - G e r y, CAH, III, 564; T h. L e n s c h a u—Die Entstehung des spartanischen Staates, «Klio», 30, 1935, стр. 269 сл.

² V. E h r e n b e r g, RE, ук. статья, 1380; G. G l o t z—Histoire Grecque, I, стр. 372—373 сл.

люционная искра». Глотц (стр. 351—354) с возмущением говорит «о чудовищно-логичном эгоизме меньшинства граждан, ухитрившихся превратить государство, бывшее до тех пор государством земледельцев и ремесленников, в обширный военный лагерь, где привилегированный класс жил с оружием в руках, не зная никаких материальных забот, работой своих крепостных... Эту массу илотов держали под ярмом при помощи террористического режима. В течение веков спартиаты, по мере того, как их число уменьшалось, дрожали при мысли, что они окружены врагами, которые только подстерегали случай отмстить им. Илотам было запрещено носить оружие, собираться ночью. Малейшее движение подавлялось безжалостно. Несмотря на массовые казни и тайные убийства, спартанской армии неоднократно приходилось прекращать дальние походы из страха восстания».

Так писали буржуазные ученые старого, либерального поколения. В фашистской Германии обо всем этом говорится совершенно в другом тоне.

Так, В. Эренберг в своей книге «Neugründer des Staates» видел причину реформы середины VI в. исключительно в великой творческой личности эфора Хилона (которого он без всяких доказательств, ad hoc, пристегнул к этой реформе); в статье у Паули-Виссова (ст. 1380) он говорит уже мимоходом и об илотах. «Господство спартиатов над обширной территорией и над илотами было причиной не только того, что прекратились всякие завоевания новой территории, но и того, что положение спартиатов (вернее, «спартанства», des Spartiatentums) внутри государства было решительным образом усилено» (там же, ст. 1386). Еще определеннее говорит уже упомянутый Леншау («Klio», XXX, стр. 269—270): «Тонкая прослойка господ-спартиатов противостояла в десять раз более многочисленному, глубоко озлобленному и постоянно склонному к восстанию илотскому населению: фактически спартанцам был приставлен нож к горлу, и, чтобы избежать гибели, от спартанцев требовалось величайшее постоянное напряжение... Спартанцы стали лучшими воинами в тогдашнем мире. Но этого не было еще достаточно, чтобы преодолеть вечно угрожающую им опасность восстания илотов: эта опасность требовала, чтобы прослойка господ ежедневно, даже ежечасно была готова отразить нападение».

Итак, наиболее характерные особенности спартанского уклада не занесены пришельцами в Элладу «с севера» и не восходят к древнейшему времени: это—аппарат, сознательно организованный в VI в. маленькой кучкой эксплуататоров, чтобы держать в подчинении огромные массы производителей.

Не менее лживо и утверждение, будто дорийцы, и в частности спартанцы, были носителями панэллинской идеи и застрельщиками в борьбе с «неполноценными» персами¹. Исторические факты говорят, что спартанское государство всегда держалось узко-эгоистической политики и согласилось на борьбу с персами только однажды, в 480 г., скрепя сердце, и то только потому, что нападение угрожало ему непосредственно. Против

¹ Как известно, именно правящий класс древних персов впервые противопоставил себя как «арийцев» всему остальному миру. «Я—Дарий—перс, сын перса, ариец, отпрыск арийцев»,—читаем мы в надписи на могиле Дария. БERVE не нашел лучшего выхода, как допустить, что персы хотя и были «арийцами», однако, благодаря соседству стран древневосточной культуры, «насквозь пропитались семитическим духом!»

персов восстали в 500 г. ионяне Малой Азии и ионяне материка (афиняне и эретрийцы), тогда как дорийский Аргос дал персам «землю и воду», а спартанский царь Клеомен выгнал посла ионян из Спарты. В 460—450 гг. спартанцы ведут переговоры с персами о совместном нападении на Афины (посольства Мегабиза и Арфмия) и получают персидские субсидии; в 412 г. они заключают союз с персами для борьбы с афинянами и уступают им все греческие города Малой Азии; в 386 г., опираясь на персов, они навязывают Греции Анталкидов мир, и т. д.

О том, что в Спарте не было классовой борьбы, смешно говорить после того, что было сказано о причинах возникновения спартанского уклада; о постоянных восстаниях илотов мы еще скажем ниже. Но и внутри спартанцев шла постоянная борьба между двумя партиями, одну из которых возглавлял царский дом Агиадов, другую—царский дом Еврипонтидов. Партия Агиадов стремилась преобразовать Пеллепоннеский союз на началах равноправия и освободить илотов; такова была уже программа царя Клеомена и его преемника Павсания¹. Так, например, у Фукидида (I, 132) мы читаем: «Эфоры получили сообщения, что Павсаний поддерживает какие-то сношения с илотами, что и было на самом деле (κὰὶ ᾗ δὲ ὄψεως), так как он обещал илотам свободу и права гражданства, если они примут участие в восстании и во всем будут помогать ему». В 399 г. лишь с трудом удалось ликвидировать восстание Кинадона—в восстании принимали участие не только перизки и илоты, но и большая часть спартанцев—именно обедневшие спартанцы, гипомейоны.

Наконец—и это самое важное—совершенно невозможно говорить о какой-то гармоничной жизни мужественных спартанцев. Спартиаты жили в постоянном ужасе перед восстанием илотов. Пересмотрим важнейший материал в хронологическом порядке²; наиболее интересное свидетельство приводится мною здесь впервые.

Фукидид (IV, 80, 3): «Спартанцы испытывали страх перед буйством³ и многочисленностью илотов: всегда у лакедемонян больше шипство их мероприятий направлено было к ограждению от илотов» (далее следует рассказ об уничтожении наиболее выдающихся илотов).

Не менее интересен для разбираемого здесь вопроса договор 420 г. между афинянами и спартанцами (Фукидид, V, 23). Договор этот построен на началах равноправности. В первом параграфе говорится о том, что обязаны сделать афиняне, «если кто-либо пойдет, как враг, на землю лакедемонян». Второй параграф представляет собой почти точное повторение первого, но вместо слова «лакедемонян» читаем слово «афинян», и наоборот. Но далее следует третий параграф: «Если восстанет рабская масса (ἡ δουλεία), афиняне обязуются помогать лакедемонянам всеми силами по мере возможности». Характерно, что такого же обязательства со стороны спартанцев по отношению к афинянам не содержится. Очевидно, у афинян не было никакого основания опасаться,

¹ См. E. d. Meyer—Geschichte des Altertums, § 202 (стр. 349—350), § 357; S. L u r i a, статья в «Klio», указанная в прим. на стр. 92.

² Общеизвестные свидетельства о «криптии» я здесь приводить не буду. Равным образом я не буду приводить и тех мест, где говорится лишь о бесчеловечном обращении спартиатов с илотами.

³ В рукописях или σκαλιότητα — «тупость», «dumme Streiche» (B ö h m e), или μεσότητα — «люность». Беме предполагает κλιότητα — «склонность к мятежу».

что их рабы восстанут большой массой, тогда как спартанцы настолько были охвачены страхом восстания, что готовы были даже в крайнем случае пустить на свою территорию для подавления восстания войска ненавистных им афинских демократов, несмотря на печальные для них события 461 г.¹

Позже, как мы видели, была сделана попытка восстания против спартиатов, возглавляемая Кинадоном. К с е н о ф о н т («Греческая история», III, 3, 6) прибавляет при этом следующее: «Заговорщики хорошо знают, что их замыслы совпадают со стремлением всех илотов, неодамонов, гипомейнов и перизков: ведь когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем».

А р и с т о т е л ь («Политика», II, 6, 1269 а): «Илоты устраивают мятежи против спартиатов: они постоянно на страже и подстерегают какую-нибудь неудачу спартиатов, чтобы напасть на них».

Описывая события 464—61 гг.², Д и о д о р (XI, 63, 4) замечает: «Илоты и мессенцы относились враждебно к лакедемонянам. До этого (т. е. до землетрясения) они сохраняли спокойствие, опасаясь спартиатов, значительно превосходивших их силой. Когда же они увидели, что многие из спартиатов погибли от землетрясения, они отнеслись пренебрежительно к оставшимся, так как их было мало; поэтому, сговорившись между собой, они выступили сообща против лакедемонян». Так же П л у т а р х («Кимон», 16, 7): «Илоты сбежались со всех сторон с полей, чтобы напасть на спасшихся из спартиатов».

Мирон из Приэны, написавший историю мессенских войн (у Афиняе, XIV, 657 D = Fragm. Griech. Hist. 106 F 2), рассказывает об унижениях и оскорблениях, которым спартиаты подвергали илотов. Для нас интересно, что эти оскорбления имели целью сбить спесь с илотов и отбить у них охоту к восстанию: «Ежегодно илоты получают определенное количество ударов без всякой вины, для того, чтобы они никогда не разучились чувствовать себя рабами (*ἵνα ἰλωτῶν δουλεύειν ἀποράδωσι*). Кроме того, если какие-либо илоты имели более цветущий вид, чем подобает рабам, для них была установлена наказанием смертная казнь, а господа наказывались, если они не укротят илотов, выдающихся своей силой».

П л у т а р х («Клеомен», 18): «Этолийцы, вторгнувшись в Лаконию, увели 50 000 рабов. Говорят, что кто-то из пожилых спартанцев сказал, что враги благодетельствовали Лаконию, принеся ей облегчение».

Еще более яркую картину, чем все эти свидетельства, бывшие известными уже раньше, дает до сих пор не использованный отрывок из «Лакедемонской политики» знаменитого софиста и олигарха V в. Крития. Этот отрывок сохранился случайно в одной из речей Либания, риторика IV в., отрудника императора Юлиана Отступника (подобно самому этому императору, и он в своих произведениях вел энергичную борьбу с христианством). Этот отрывок (Or. 25, 63, II, 567, Förster) впервые включен в собрание отрывков Крития в 1935 г. В. Кранцем в его новом издании книги Дильса «Die Fragmente der Vorsokratiker».

Критий утверждал, что из всех свободных людей спартиаты самые

¹ У. К а h r s t e d t («Griechisches Staatsrecht», B. I, «Sparta», Göttingen, 1922, стр. 90, прим.) показал, что этот договор был типовым договором, заключавшимся между спартанцами и их союзниками. Для спартанцев, таким образом, одной из главных целей Пелопоннесского союза была возможность в случае восстания илотов располагать силами всех союзников для его подавления.

² У Диодора о них говорится при изложении событий 469 г.

свободные, а из всех рабов самые настоящие рабы—спартанские илоты. Либаний несогласен с этим: он считает, что и сами спартиаты, в сущности, ведут жизнь рабов. «Еще бы они не свободные!», замечает он иронически, «если, как утверждает сам Критий, спартиат вследствие подозрительности по отношению к илотам снимает ременную ручку (*τήν περπακίαν*) с их щитов, когда он находится на родине. Сделать это во время похода спартиат не имеет возможности, так как часто бывает необходимо, чтобы илот немедленно привел себя в боевую готовность. Но в походе спартиат никогда не выпускает из рук копья, чтобы быть благодаря копью сильнее илота, если тот взбунтуется в расчете только на щит [илоты на войне не носили копий.—С. Л.]. (В своих домах) спартиаты придумали устраивать хитрые запоры, которые, как они полагают, могут уберечь их от нападения илотов. Все это характеризует людей, находящихся в ужасе перед другими, живущими вместе с ними людьми, и не решающихся перевести дыхания от постоянного ожидания ужасных событий. И во время еды, и во время сна, и во время хождения за некоторым другим делом страх перед рабами заставляет их быть всегда настороже».

Такой яркой картины мы еще до сих пор не имели ни в одном свидетельстве. Сомневаться в ее достоверности нет никакого основания, так как она заимствована у Крития, горячего поклонника лакедемонского строя, который меньше всего был заинтересован в том, чтобы изобразить спартанскую жизнь в более мрачном свете, чем следовало.

Либаний прав: трудно говорить о «высшем идеале свободы», который, по мнению фашистов, якобы осуществлен в Спарте. Достаточно жалкое зрелище представляет собой этот спартиат, который, находясь на войне, в лагере, не выпускает ни на минуту из рук копья, чтобы в любой момент быть готовым пронзить им непокорного илота; этот господин, который целый день, что бы он ни делал, с ужасом смотрит на прислуживающего ему слугу-илота, ожидая, что тот вцепится ему в горло. Этот страх не оставляет его ни в уборной, ни ночью, когда он, выгнав илотов на улицу, запирает свое жилище особыми хитроумными замками, чтобы иметь возможность хоть на короткое время заснуть и забыть о мятежных илотах. Реформа середины VI в., освободив спартиатов от всяких забот о пропитании, сделала их жизнь настолько тяжелой и тревожной, что мы вполне поймем возможность существования в Спарте, в среде самих рабовладельцев, целой партии, требовавшей, как мы видели, эмансипации илотов.

Илоты представляли собой однородное население, искони жившее вместе и потому имевшее возможность сообща обсуждать свои дела и принимать совместные действия. Азбукой же рабовладения было то, что работающие вместе рабы должны быть разных национальностей и что их интересы должны по возможности (благодаря искусной политике хозяйина) противоречить друг другу, чтобы они не имели никакой возможности совместных действий. Плутарх в биографии Красса сообщает нам сверх того правило (разумеется, уже не подходящее для больших латифундий Римской империи), по которому господин должен иметь личный надзор за каждым рабом. Так оно и было в других греческих государствах, но это было невозможно в Спарте, где спартиат находился всегда в городе или в войске, а в деревню, где жили и работали илоты, приезжал только за тем, чтобы поохотиться. Понятно поэтому, что илоты чрезвычайно остро ощущали нарушение их прав и непрерывное издевательство над ними.

Разобранные источники наглядно показывают, чем было это государство, «чуждое» и «гармоническое», по мнению фашистов. Спарта и во внутренних отношениях скорее походила на военный лагерь, чем на благоустроенный рабовладельческий полис: как известно, илотам ежегодно официально объявлялась война.

Итак, фашистская идеализированная Спарта при самом беглом ознакомлении с источниками оказывается сфальсифицированной «историками» «Третьей империи».

Фашисты недаром нашли в Спарте «непревзойденный образец». Оплывая, круша, уничтожая со звериной злобой все подлинно-культурное достояние человечества, фашисты, естественно, объявляют себя наследниками всего реакционного, жестокого, гнусного, что знает история человеческого общества.

